

О древнем славяно-русском переводе одного греческого гапакса

Д.С.Ищенко

Среди филологических традиций Одесского университета заметное место занимает изучение древнего славяно-русского рукописного наследия и исследование содержащихся в рукописях переводных текстов в сопоставлении с их греко-византийскими образцами. Это научное направление, идущее в университете еще от В.И.Григоровича, успешно развивалось в трудах В.М.Истрина, А.В.Рыстенко, С.Г.Вилинского, П.О.Потапова и др.

Лингвистическое исследование древних славяно-русских переводных произведений представляет значительный интерес для исторической лексикологии русского и других славянских языков. Сопоставление перевода с исходным (обычно греческим) текстом дает возможность точнее определить значения славянских слов, характерные для времени создания перевода, если известна семантика соответствующих греческих лексем. Этим существенно пополняется арсенал методов, с помощью которых объективно устанавливается значение древних слов, по сравнению с приемами изучения текстов непереводных или произведений с утраченным иноязычным оригиналом.

С другой стороны, такое сопоставление может помочь выяснению истории значений греческих слов. Славянские переводчики достаточно хорошо знали греческий язык своего времени (т.е. византийского периода), и поэтому их понимание переводимой лексики, отраженное в переводе, обладает большой лингвистической информативностью, особенно ценной, если в греческом оригинале было употреблено слово редкое, новое для той поры.

Подчеркну, что лингвистическое исследование древнего текста должно опираться на учет всей рукописной традиции произведения. Методы лингвистического источниковедения позволяют установить при сравнении разных списков текста наличие лексических вариантов, связанных как с произвольными, так и с осознанными изменениями текста и отражающих процессы исторического развития лексики. Все вышесказанное может быть проиллюстрировано многочисленными примерами, из которых остановимся на случае употребления одного греческого слова в тексте поучений Феодора Студита и его перевода, представленного в южнославянских и старорусских списках.

Огласительные поучения Феодора Студита (759 - 826 гг.), выдающегося византийского общественного и религиозного деятеля, крупного писателя, пользовались большой популярностью в Византии и у славян; в особенности это относится к поучениям из так называемого Малого катехизиса, которые, в соответствии со Студийским уставом церковного и монастырского служения, предназначались для чтения на протяжении всего года. Значительное количество греческих списков Малого катехизиса, достаточно ранний перевод этого произведения, осуществленный южными славянами, а затем перешедший на Русь и претерпевший несколько редакций, делают поучения Феодора Студита ценным источником для лексикологических наблюдений, которые, однако, на этом материале до сих пор не проводились.

Обратимся к Малому катехизису. В греческом тексте поучения 88 читаем:

* Ἐλεγεὺν οὖν ἐκεῖνος ἐτι ἐμπνέων, ὡς δὺο τινασ ἐμφανίζεσθαι αὐτῷ

γυναῖκά τε καὶ ἄνδρα τὴν μὲν εἶναι ὑψηλὴν τῇ ἡλικίᾳ, τὸν δὲ βραχὺν, σγυροειδῆ [14:302].

По поводу последнего слова издатель Малого катехизиса Э. Оврэй отметил: σγυροειδής приведено в греческом словаре Дюканжа (XVII в.) со ссылкой именно на 88 поучение Феодора Студита и объяснено как *темный, смуглый* (qui fuscum colorem habet). Однако, продолжает Оврэй, скорее σγυροειδῆ появилось в тексте из καὶ γυροειδῆ (где καὶ было записано сокращенно особым знаком, напоминающим сигму), и, следовательно, данное просторечное слово (vocem barbaam) должно быть переведено как *плотный, коренастый* (compactus, франц. trapu) — от γῦρος *круг* [14:588].

Такое объяснение гапакса может казаться довольно убедительным, особенно с учетом того, что Феодор Студит строил многие пассажи своих поучений на использовании антонимического противопоставления: в приведенном контексте поучения, озаглавленного Περὶ μνήμης θανάτου, очень выразительны привидевшиеся умирающему человеку в предсмертном бреду высокорослая женщина и невысокий коренастый мужчина. Не случайно в переводе Малого катехизиса на современный русский язык, сделанном по изданию Оврэя, соответствующее место передано так: ... *этот же небольшой, плотный* [11:374].

Гапакс σγυροειδής отсутствует в словарях греческого языка всех периодов, кроме упомянутого словаря Дюканжа. Мотивирующее прилагательное σγυρός не зафиксировано в словаре Лампе [15], но приводится в словарях Софоклеса [19:981], а также Лиддела и Скотта [16:II:1587] в значении *курчавый, кудрявый* со ссылкой на византийского автора Цеца. Однако в греческом издании словаря Лиддела и Скотта σγυρός объясняется как *темный, черный* и сопровождается указанием на то, что это византийское слово (с обращением все к тому же Дюканжу) [IV:43]. В новогреческом языке σγυρός *кудрявый* имеет большое число дериватов: σγυροκέφαλος, σγυρομάλλης *кудрявый*, σγυραίνω, σγυρώνω *завивать*, σγυρό *локон*, σγούρωμα *завивка*, σγυροβελονία *завиток волос* [3:580; 12:681]. Это свидетельствует о распространенности, обычности слова в современном языке. Несомненно, однако, что σγυρός — лексема, появившаяся лишь в византийский период. В древнегреческом языке, как свидетельствуют словари, данного слова не было, а в значении *курчавый, кудрявый* употреблялось οὔλος. У Софоклеса, Лиддела и Скотта указанное прилагательное приводится как синоним к σγυρός: σγυρός = οὔλος [19:981]; οὔλαι κόμαι — πυκνὴ καὶ σγυρὰ κόμη [16:III:379]. Это позволяет понять, почему Дюканж толковал гапакс Феодора Студита σγυροειδής как *темный, смуглый*: производные от οὔλος прилагательные οὐλοτριξ, οὐλοκέφαλος, οὐλοκόμη и др. были и в древне-, и в среднегреческом языке описательным обозначением негров, эфиопов, т.е. темнокожих людей с короткими курчавыми волосами [2:206; 16:III:379]. Таким образом, сема *темный* возникла вследствие метонимического переноса как компонент лексического значения прилагательного οὔλος и была приписана и его новому синониму σγυρός с дериватом σγυροειδής. Если даже верно мнение Оврэя о том, что данный дериват — это гапакс, возникший в результате неправильного прочтения, то сама возможность такой ошибки свидетельствует о привычности слова σγυρός для византийских писцов. Во всяком случае, во всех 13 греческих рукописях, использованных Оврэем для своего издания, встречается только σγυροειδής.

Что же касается предложенной им конъектуры γυροειδής, заметим, что

такое слово реально существовало (оно отмечено в словарях Софоклеса и Лампе со значением *круглый* у Германа I Константинопольского [19:342; 15:327]), но не фиксируется в списках поучений Феодора Студита. Обратим, однако, внимание на то, что в рукописи, не учтенной Оврзеем, но положенной в основу издания, осуществленного Дж.Коцца-Луцци, интересующее нас место читается так: ... τὸν δὲ βραχὺς γουνοειδῆ [18:204]. По-видимому, γουνοειδῆς образовано от γούνα — мн.ч. к γόνυ *колени*. В помещенном на той же странице данного издания латинском переводе читаем: ...*hunc autem parva quasi unius cubiti (он же маленький, как чей-либо локоть)*. Таким образом, γουνοειδῆς буквально значит *коленовидный (локтевидный)*, т.е. в этом варианте речь идет только о росте мужчины, а не о ширине его плеч.

Обратимся теперь к древнему славянскому переводу поучения 88, содержащемуся в целом ряде рукописей (к сожалению, древний перевод Малого катехизиса Феодора Студита до сих пор не издан). Рукописная традиция этого перевода дает возможность выяснить, какой вариант византийского текста был первоначально переведен и какой использовался для дальнейшей редакторской правки. Я установил, что первый наиболее полный славянский перевод Малого катехизиса был сербским; он представлен в рукописи Хиландарского монастыря на Афоне, 387, XIII в. [4]. Поучение 88 занимает здесь лл. 317 об. - 320 об. и озаглавлено ω *памети смр(т)ьнои*. В рассматриваемом месте читаем: *а ѿвь маль кокоравь* (следует иметь в виду, что древнесербская графика не знала буквы *ь*). В словаре Миклошича прилагательное *кокоравь* приведено по сербской рукописи XIV в. со значением *кудрявый, курчавый* [17:296] и устойчиво фиксируется всеми словарями сербохорватского языка, напр. [5:775; 6:749], с тем же значением. По-видимому, это праславянское слово, но с указанным значением оно выступает прежде всего у южных славян [13:115]. Таким образом, сербский переводчик XIII в. имел перед собой греческий список со словом σκούροειδής, которое он и перевел как *кокоравь* *кудрявый*, а отнюдь не *темный, смуглый*. Это бесспорное свидетельство распространенности в греческом языке того времени мотивирующего прилагательного σκούρός со значением, присущим и новогреческому языку.

В ходе «второго южнославянского влияния» сербский перевод МК был перенесен на Русь. Он представлен в нескольких старорусских списках: ГИМ, собр. Чудовское, N 36/238, XV в.; РГБ, собр. Иосифо-Волоколамское, N 604, XVI в.; ГИМ, собр. Синодальное, N 1202, XVII в. Все они содержат много следов своего сербского образца и являются результатом переписывания, но не редактирования. В рукописях этой группы представлено следующее чтение: *овь же маль кокаравь*. Несомненно, что написание *а* вместо *о* не является отражением аканья, т.к. ни в одной из указанных рукописей оно нигде не зафиксировано. Перед нами искажение первоначального написания, возникшее, очевидно, в результате непонимания слова. Проследим поэтому, как представлено прилагательное *кокорав* в восточнославянских языках.

Мотивирующее существительное *кокорав* широко распространено в севернорусских говорах, известно украинскому и белорусскому языкам [7:93-4; 13:115; 9:215]. Основное значение его — *кривое дерево, дерево с изогнутым концом* [7:93]. Однако дериват *кокорав* неизвестен современным восточнославянским языкам; только в старорусском языке отмечено *кокоровый*, а также *кокороватый, кокореватый* в значении *корявый* (о лице, о носе) [8:230; 1:119-120]; все примеры относятся к концу XVI-XVII вв. (в словаре Срезневского [10] не зафиксировано) и извлечены из текстов севернорусского, прежде всего новгородского, происхождения: *лицом кокорова* и т.п. Не исключено поэтому, что персонаж поучения 88 воспринимался на Руси не курчавым или кудрявым, как у южных славян, а с *корявым* лицом.

Отметим также севернорусские диалектные слова **кокорь**, **кокорек** — *плотный коренастый человек* [7:95,98]. Если существовало понимание прилагательного **кокоравь** как связанного с данными словами, то это удивительно совпадает с предложенной Э.Оврзем конъектурой греческого текста (см. выше), хотя и не имеет опоры в древнесербском переводе, промежуточном между греческим и старорусским текстами.

Другая группа старорусских рукописей содержит значительно отредактированный (по сравнению с предыдущим) и модернизированный применительно к своему времени текст перевода Малого катехизиса: РГБ, собр. Егорова, №1177, XVI в.; РНБ, собр. Кирилло-Белозерское, №85/210, XVI в.; РГБ, собр. Егорова, №16, XVII в.; РГБ, собр. Овчинникова, №110, XVI в.

Здесь устранили прилагательное **кокоравь** (**кокаравь**), а вместо этого введено: *ови же мало понизокъ*. Это заставляет думать, что редактирование перевода проводилось с использованием греческого списка, содержащего в данном месте не $\sigma\upsilon\omicron\upsilon\rho\omicron\epsilon\iota\delta\eta\varsigma$, а $\gamma\omicron\upsilon\upsilon\nu\omicron\epsilon\iota\delta\eta\varsigma$, что позволило наглядно выразить противопоставление высокой женщины и малого ростом мужчины. Редактирование переводных текстов с опорой на греческие списки было широко распространено на Руси, и при этом, естественно, в привлекаемых рукописях нередко встречались другие варианты по сравнению с протографом первоначального перевода. В нашем случае бросается в глаза возможность болгарского влияния на предложенную конструкцию со сравнительной степенью прилагательного. Это можно объяснить участием болгарских книжников в редактировании переводов или же болгарской выучкой русского справщика. Оба случая не могут быть исключены для периода «второго южнославянского влияния». Замена прилагательного **кокоравь** другим словом свидетельствует о его непонятности уже в то время, когда проводилась правка, и там, где она осуществлялась. Описанные варианты, таким образом, отражают процессы развития лексики.

1. Ващенко Т.Ф. Кабальные книги // Русская речь. - 1975. - № 4.
2. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. - М., 1958. - Т. II.
3. Иоаннидис А.А. Новогреческо-русский словарь. - М., 1961.
4. Ищенко Д.С. Хиландарский список славянского перевода поучений Феодора Студита // Советское славноведение. - 1980. - № 4.
5. Речник српскохрватског књижевног језика. - Нови Сад-Загреб, 1967. - Т. II.
6. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. - Београд, 1975. - Т. IX.
7. Словарь русских народных говоров. - М., 1978. - Вып. 14.
8. Словарь русского языка XI-XVII вв. - М., 1980. - Вып. 7.
9. Словник української мови. - К., 1973. - Т. IV.
10. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. - М., 1958. - Т. I-III.
11. Творения Преподобного отца нашего и исповедника Феодора Студита в русском переводе. - СПб., 1907. - Т. I.
12. Хорников И.П., Малев М.Г. Новогреческо-русский словарь. - М., 1980.
13. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. - М., 1983. - Вып. 10.
14. Auvray E. Sancti Patris nostri et confessoris Theodori, studitis praepositae Parva Catechesis. - Parisiis, 1891.
15. Lampe G.W.H. A patristic Greek lexicon. - Oxford, 1961.
16. Liddell H.G., Scott R. A Greek-English lexicon. - Oxford, 1925-1940. - Vol. I-IV.
17. Miklosich F. Lexicon palacoslovenico-graeco-latinum. - Vindobonae, 1862-1865.
18. Novae patrum bibliothecae. - Roma, 1888. - Т. 9.
19. Sophocles E.A. Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods. - N.Y.-Leipzig, 1904.